

2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

/Пермь и Симферополь, 1917-1920/

И ЭМИГРАЦИЯ

/Константинополь и Афины, 1920-1921/

Вернувшись из Петрограда в тихую Пермь, где он в местном университете стал исполняющим обязанности профессора русской истории, Г. В. Вернадский на некоторое время смог погрузиться в нормальную академическую жизнь, тем более, что в то время в городе собрался сильный состав преподавателей. Древнюю историю читал ученик Ростовцев литовец Вольдемар, ставший позднее первым президентом самостоятельной Литовской республики. Средневековье вел Н. П. Отакар /ученик Гревса/. Древнюю русскую историю читал Б. Д. Греков. Много лет спустя в библиотеке Института истории АН СССР я наткнулся на сделанную чей-то недоброй и бдительной рукой четкую надпись «кадет» рядом с фамилией крупнейшего советского историка, что к счастью для него не окончилось трагически. Древнюю русскую литературу читал А. П. Кадлубовский, а ближайшими друзьями Вернадских стали специалист по истории православной церкви А. П. Дьяконов и его супруга Вера Ивановна, которая часто пела вокальные дуэты вместе с Ниной. Не без их влияния Вернадский в Перми «вернулся к церкви». Так произошло и с старыми их друзьями – Наташей и Аней Шаховскими, Мишей Шиком и другими. «Вероятно большевистский переворот обратил меня к церкви и оживил Нинино религиозное чувство», – вспоминал Вернадский.²⁴ Близкое участие он принял в организации в Пермском университете «Общества исторических, философских и социальных знаний» и редактировал первый выпуск трудов этого общества, где поместил, в частности, свою работу «Императрица Екатерина II и законодательная комиссия 1767-1768 гг.»²⁵

²⁴ Вернадский Г. В. Пермь – Москва – Киев //НЖ, 1971, кн. 104, с. 180. У отца Георгия, по всей видимости, такой перемены не произошло и позднее при переписи он дал ответ: «верующий вне христианских церквей». Вернадский В. И. Жизнеописание, с. 232 /из дневников/.

²⁵ Автобиография Г. В. Вернадского, Афины, сентябрь 1921 г. //BAR, Vernadsky Papers, Box 94.

Спокойная жизнь продолжалась недолго и где-то в мае друзья предупредили , что ЧК собирается Георгия арестовать. Вернадским пришлось скрываться в лесу, а затем перебраться в Москву, где они узнали, что их родители переехали на Украину. В. И. Вернадский был избран первым президентом местной Академии наук. Уже нелегально и со значительными трудностями молодые Вернадские порознь добрались до Киева, где Георгий, по совету отца, стал профессором вновь организованного Симферопольского филиала Киевского университета, позднее превратившегося в самостоятельный Таврический университет, в котором преподавали многие известные петербургские и московские ученые.

С сентября 1918 г. молодые Вернадские переехали в Крым, где Георгий с энтузиазмом принял участие в создании нового университета. Среди его коллег оказались два знакомых по Перми – Б. Д. Греков и А. П. Кадлубовский. Новую русскую литературу читал академик Гудзий, историю искусств Айналов, сельскохозяйственные науки – И. В. Якушкин. Из естественников Георгий познакомился с ботаниками Кузнецовым и академиком Палладиным.²⁶

Помимо преподавательской работы в Симферополе /как и в Перми, Вернадский вел курс новой русской истории, а Греков читал древнюю/ Георгий Владимирович активно участвовал в общественной жизни, был «членом-учредителем и затем председателем «Общества философских, исторических и социальных знаний», принимал близкое участие в Таврической ученой архивной комиссии... Составил описание переведенного в Таврический университет Тавельского архива /Бумаги В. С. Попова, правителя канцелярии князя Г. А. Потемкина/». ²⁷ На основе этих документов молодой ученый сделал ряд докладов на заседаниях архивной комиссии и опубликовал научные статьи. ²⁸

Особое место среди работ, опубликованных в Симферополе, занимает статья о «скрытом» источнике конституции декабриста Никиты Муравьева /имелась в виду Государственная уставная грамота 1820, которую по поручению Александра I тайно

²⁶ Вернадский Г. В. Крым //НЖ, 1971, кн. 105, с. 203-204 .

²⁷ Автобиография Г. В. Вернадского, Афины, сентябрь 1921 //BAR, Vernadsky Papers, Box 94.

²⁸ См. в частности: Вернадский Г. В. Тавельский архив В. С. Попова //Известия Таврической ученой комиссии. Симферополь, 1919, с. 104-110; он же. К истории колонизации Азовского побережья, 1698-1701 //Там же, С. 98-105; он же. Записка о необходимости присоединения Крыма к России /Из Тавельского архива В. С. Попова/ //Там же, с. 111, 126 и др.

подготовил Н. Н. Новосильцев/.²⁹ Надо сказать, что взгляды декабристов и, в частности, взгляды Н. Муравьева стали одной из самых популярных тем в отечественной истории. Весьма обстоятельно они были исследованы в монографии Н. М. Дружинина, который показал, что, Н. Муравьев был знаком с европейскими конституциями, но основным источником его проекта стали американские конституции /федеральная 1787 г. и конституции отдельных штатов/. И хотя при написании своей конституции Муравьев широко использовал разнообразные источники, «но формаа его заимствования была самостоятельной».³⁰

После разгрома Добровольческой армии под командованием генерала Деникина окончательный крах белого движения стал только вопросом времени. В Крым устремились беженцы из южных районов России и Украины. Петербрались в Крым и старшие Вернадские. Сначала Наталия Егоровна с дочерью Ниной, а в январе 1920 г. и Владимир Иванович, которому «удалось сесть в Новороссийске на пароход, шедший в Севастополь через Ялту».³¹ Вскоре обнаружилось, что по дороге он заразился тяжелейшим сыпным тифом и только чудом остался жив. Одновременно генералу П. Н. Врангелю и А. В. Кривошеину удалось несколько стабилизировать общее положение в Крыму. Получив весной 1920 г. приглашение возглавить кафедру геохимии Таврического университета Владимир Иванович переехал в Симферополь. На некоторое время вся семья вновь собралась вместе. В сентябре от сыпного тифа умер Р. И. Гельвиц /ректор Таврического университета/, и совет университета единогласно избрал В. И. Вернадского новым ректором.³² Почти одновременно по предложению П. Б. Струве, занимавшего в то время пост министра иностранных дел, генерал Врангель обратился к Г. В. Вернадскому с просьбой занять в его правительстве пост начальника отдела печати.

²⁹ Вернадский Г. В. Скрытый источник конституции Никиты Муравьева. Конституция Никиты Муравьева и Государственная уставная грамота Новосельцева //Известия Таврического университета № 1. Симферополь, 1919.

³⁰ Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 179. Показательно, что сам текст конституции был написан в соответствии с русской национальной традицией и с широким использованием таких терминов как дума, вече, приказ, держава, тысяцкий, старейшины и т. д. См. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения, 1815- 1832. М., 1975, с. 496 /гл. 10 Декабристы и Америка/.

³¹ Вернадский Г.В. Крым //НЖ, 1971, кн. 105, с. 216.

³² Вернадский В.И. Жизнеописание..., с. 130-132.

Посоветовавшись с отцом Георгий согласился.³³ Тем самым неизбежной становилась и последующая эмиграция. У меня нет никаких оснований сомневаться в точности воспоминаний Г. В. Вернадского, тем более, что его отец также серьезно думал о необходимости хотя бы на время уехать из России. И не только думал. Еще в начале 1920 г. он написал в Британскую ассоциацию наук и Королевское общество письмо с просьбой предоставить ему возможность работать по геохимии и минералогии. В начале июля было получено письмо от секретаря Британской ассоциации наук о том, что та «предприняла определенные действия в отношении властей», чтобы его вызвать. В результате осенью, когда Владимир Иванович уже был избран ректором Таврического университета, прибыл пароход Красного Креста, который должен был вывезти его из Крыма. Когда в университете узнали, что он собирается уехать, депутаты «профессоров, потом приват-доцентов, студентов и даже сторожей устремились к нему с просьбой не покидать их в такое трудное время». Вместе с дочерью Владимир Иванович отправился в Севастополь и извинился перед капитаном ждавшего его корабля.³⁴

Такой Поступок отличает настоящего ученого и человека от обычных людей. И надо сказать, что так поступать В. И. Вернадскому приходилось многократно и до, и после Октябрьской революции. Как только в ноябре 1920 г. красные вошли в город фигура ректора Таврического университета оказалась новой власти неудобной. На анкетный вопрос «Как Вы относитесь к террору вообще и к красному террору?» в частности, В. И. Вернадский посмел ответить, что к террору он относится отрицательно, в том числе и к красному. Член нового правительства, идейный большевик Лиде решил «выслать ученого и других нелояльных профессоров в распоряжение Наркомпроса на усмотрение центральных властей. Ехать под конвоем к счастью не пришлось, поскольку пришел «охранный лист от народного комиссара здравоохранения Н. А. Семашко /оказавшегося учеником Вернадского по Московскому университету/ предоставить академиком Вернадскому и Палладину, некоторым другим лицам /в том числе сыну Ольденбурга/ отдельный вагон для следования в Москву».³⁵

Не будем слишком строги и к Г. В. Вернадскому, когда 30 октября он вместе с женой и сотрудниками отдела печати погрузился на старый транспорт «Рион» и

³³ Вернадский Г.В. Крым //НЖ, 1971, кн. 105, с. 219.

³⁴ Вернадский В.И. Жизнеописание..., с. 132.

³⁵ Там же, с. 134.

отплыл в Константинополь. Как члена правительства генерала Врангеля его ждал неминуемый расстрел. Вопрос этот, по-видимому, продолжал мучить Георгия Владимировича очень долго и неслучайно незадолго до смерти в своих воспоминаниях историк упоминал о письме, полученном им еще в 1921 г. от друга отца, члена Братства «Приютино» Л. А. Оболянинова, порицавшего его за то, что «сын Владимира Ивановича Вернадского согласился быть «цензором» у Врангеля и тем опозорил свое имя».³⁶ Чтобы не повредить отцу, да и самому автору письма, Георгий Владимирович не мог даже ответить. Повторяю, что у нас нет никаких оснований осуждать поведение Г. В. Вернадского, но нельзя не признать, что между сыном и отцом существовала большая разница. Сын поступил как в тех условиях поступали многие русские, спасаясь от красного террора, ужасов войны и руководствуясь здравым смыслом. Отец действовал по велению своего сердца и своей совести, наперекор даже здравому смыслу. На его стороне оказалось, однако, само Провидение.

Очутившись в начале ноября 1920 г. в переполненном русскими беженцами Константинополе, супруги Вернадские сразу же столкнулись со всеми трудностями эмигрантской жизни. Доложив генералу Врангелю о ликвидации отдела печати и об окончании своей службы в его правительстве, Г. В. Вернадский получил от казначейства 100 американских долларов, которые у Нины вскоре украли. К счастью, у него сохранилось 90 английских фунтов, переданных ему на хранение отцом, которые он смог использовать для помощи родным /Г. Е. Старицкому/, своему ближайшему помощнику по отделу печати Н. А. Цурикову. Из этих же денег он заплатил за нанятую комнату. Обо всем этом Георгий позднее скрупулезно сообщил отцу и получил его одобрение.³⁷

Пожалуй, впервые в жизни Георгию пришлось думать о поисках средств к существованию. На помощь родителей рассчитывать не приходилось, и Георгий вместе со своим верным помощником Цуриковым согласились привести в порядок запущенный сад при доме, который купил» один грек, говоривший по русски /может быть, это был и русский, у которого имелись деньги/».³⁸

³⁶ Вернадский Г. В. Крым, с. 219.

³⁷ Вернадский Г. В. Константинополь, 1920-21 г. /Воспоминания, ч. III/ //НЖ, 1972, кн. 108, с. 202-204.

³⁸ Там же, с. 205.

Как и для многих других изгнанников настоящим отдохновением и приютом для супругов Вернадских оказалась православная церковь при русском посольстве. Нина устроилась петь в хоре, а Георгий закрепил и расширил свое возвращение к церкви, начатое еще в Перми осенью 1917 г. Теперь в Константинополе он познакомился с выдающимися русскими иерархами, которые приехали из Крыма вместе с армией генерала Врангеля – митрополитом Киевским Антонием, экзархом Грузии митрополитом Платоном, архиепископом Феофаном Полтавским и епископом Вениамином Севастопольским.³⁹ Знакомство и беседы с этими иерархами, а также участие в церковной жизни приобрело после отъезда из России первостепенное значение как в жизни, так и в научных трудах Георгия Владимировича.

Совершенно неожиданно в феврале 1921 г. в Константинополе Вернадских разыскал американский историк Фрэнк А. Голдер, с которым они были хорошо знакомы до революции и который часто бывал в их гостеприимном доме в Петрограде. Будучи представителем Гуверовской организации помощи пострадавшим от войны /знаменитая АРА – American Relief Association/, Ф. А. Голдер предложил помочь в организации переезда супругов Вернадских в США и предоставил для оплаты трансатлантического переезда 300 долларов.⁴⁰ Купив билет на пароход «Великая Греция» /прямых рейсов американских и английских судов из Константинополя в США не оказалось/, Георгий телеграфировал М. М. Карповичу о своем приезде в США. В начале марта их корабль покинул Константинополь. До Пирея «Великая Греция» шла несколько дней. Условия на пароходе в 3 классе оказались ужасными и супруги Вернадские совершенно измучились. «Мысль о том, что в таких условиях нам придется ехать из Пирея до Нью-Йорка еще более двух недель приводила в ужас, – вспоминал Георгий, – и мы решили попытаться остаться в Афинах». Остаток денег за переезд был, разумеется возвращен АРА.⁴¹

Столь неожиданное решение явно озадачило современную исследовательницу Н. Е. Соничеву, которая склонилась к выводу, что Вернадский использовал предложение Голдера «лишь как шанс покинуть Турцию» и приводила в пользу такого предположения различные аргументы /Георгий купил себе перед отъездом не

³⁹ Подробнее см.: Там же, с. 205-210.

⁴⁰ Там же, с. 214-216; Wachhold A.G. Frank A. Golder: An Adventure in Russian History. Ph. D. Univ. of California. Santa Barbara, 1984, p. 78, 109.

⁴¹ Вернадский Г. В. Константинополь, с. 216.

английский, а греческий разговорник, взял рекомендательное письмо к одной гречанке и т. д./⁴² В данном случае, обычно осторожная и точная в деталях исследовательница заподозрила Георгия напрасно. Еще одну причину неожиданной остановки в Греции нашел недавно В.Н.Козляков в воспоминаниях Нины Вернадской, хранящихся в библиотеке Стэнфордского университета: «Газеты, которые мы прочли, укрепили нас в решении не ехать дальше. В России в это время было Кронштадское восстание, и мы тогда очень верили, что в России вдруг все может измениться, и мы, вместо того, чтобы таскаться по чужим странам, – вернемся к себе домой».⁴³

Вот как эти драматические события описывал М.М.Карпович, ожидавший приезда своего друга в Америку: «Сначала я был очень огорчен, получив письмо о вашей героической высадке в Пирее. Но потом зрело все обдумав, я решил, что может быть оно и к лучшему. Каюсь, что когда я звал тебя с Ниной сюда, я руководствовался исключительно желанием Вас видеть. Из этого желания уже происходила, вероятно, моя уверенность в том, что мне удастся тебя устроить здесь – уверенность, в сущности, мало на чем основанная. А без работы, помимо материальной стороны, ты бы, вероятно, очень скоро стал тяготиться пребыванием здесь. То, что вам, после Вашей – случайной, в сущности, - высадки в Пирее удалось устроиться в Афинах, действительно похоже на чудо, и я думаю, что надо благодарить провидение за это чудо и пока что «от добра добра не искать».⁴⁴

Сойдя с парохода в Греции, супруги Вернадские прожили в Афинах около года /до февраля 1922/, работая в прогимназии для детей русских эмигрантов, организованной митрополитом Платоном. Нина обучала детей музыке, языку и литературе, а Георгий преподавал историю и географию. С помощью своего нового знакомого византиниста профессора Лоренцато Г.В.Вернадский устроился на работу в библиотеку Греческой археологической ассоциации, где занимался выявлением и переводом византийских источников. Профессор Лоренцато попытался даже устроить его на работу в национальную библиотеку Греции, но для

⁴² Соничева Н. Е. Указ. соч., с. 44-45.

⁴³ Козляков В. Н. «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...» //Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998, с. 10, 24 /прим. 3/.

⁴⁴ М. Карпович – Г. Вернадскому, 17 июня 1921 г. Письма М. Карповича Г.Вернадскому. Публ. М. Раева //НЖ, кн. 188, с. 265.

этого Георгию надо было принять греческое гражданство, что для Вернадского оказалось совершенно неприемлемым.

Наиболее значительным событием стало участие Вернадского в ноябре 1921 г. в работе Карловицкого собора русской православной церкви за рубежом. И хотя на съезд его делигировала афинская русская община, он специально оговорил право голосовать руководствуясь собственной совестью, что позволило ему не участвовать в утверждении острых политических, так и технических вопросов церковного управления, и даже вернуться в Афины, не дожидаясь окончания заседаний.⁴⁵

Надо сказать, что первые годы эмиграции оказались для супругов Вернадских особенно трудными. Начиная в августе 1921 г. свои дневниковые записи, Георгий писал: «Бог даст, милые мои драгоценные, смогут когда-нибудь прочесть эту тетрадь, хоть немного представить нашу жизнь».⁴⁶

Тяжело переживая потерю Родины и утрату настоящей связи с родными и знакомыми Георгий Владимирович крайне пессимистически смотрел на будущее России. В этом он серьезно расходился со многими друзьями /в частности с М. М. Карповичем/, а по большому счету и со своим отцом. Не случайно все большее значение для Г. В. Вернадского приобретала вера в Бога, которая по его мнению должна лежать в основании человеческого общества. По сравнению с материальными ценностями безусловное предпочтение он отдавал «ценностям духа» и подчеркивал, что ни за что не вернется к большевикам. Возражая своему другу М. М. Карпович писал: «К большевикам я тоже не хочу ехать, а в Россию, хотя бы под большевиками находящуюся, поехал бы хоть завтра, если бы только эти негодяи меня туда пустили без всяких условий». Будучи прирожденным оптимистом Михаил Михайлович подчеркивал, что просто не понимает людей, «которые говорят, что все кончено, что мы никогда не вернемся в Россию, что для нас там не будет места, что

⁴⁵ Halperin Ch. J. Op. cit., p. 68-69

⁴⁶ Дневники. Запись 20 августа 1921 г. // BAR, Vernadsky Papers. Box 103. Хотя и с большими перерывами Г. В. Вернадский вел дневник на протяжении более сорока лет. Особенно подробные записи сохранились за 1950-е годы Публикация его воспоминаний в Новом журнале, к сожалению, прервалась на отъезде из Константинополя, март 1921 г. /См. Вернадский Г.В. Константинополь, с. 202-217/, хотя сам автор предполагал ее продолжить. Во всяком случае, в его бумагах сохранилась машинопись «Автобиографические заметки» 85 стр., охватывающие сведения о пребывании в Афинах, Праге и США примерно до 1929 г. См. Halperin Ch. J. Op. cit., p. 68 и далее.

Россия вообще не возродится и т. д.»⁴⁷ Конечно, Карпович не прошел через «огненное испытание», о котором упоминал Вернадский, переживший гражданскую войну, но он ясно понимал, «что большевизм в России кончится только тогда, когда он будет изжит русским народом; что это единственный путь, хотя бы для него нужны были десятилетия».⁴⁸ /Как оказалось, для этого потребовалось более семи десятилетий/.

⁴⁷ См. письма М. Карповича Г. Вернадскому от 17 июня 1921, 3 сентября 1923 и др. //НЖ, 1992, кн. 188, с. 268, 270, 289 и др.

⁴⁸ Там же, с. 275.